

В этот момент Цзыхань зашевелилась и открыла глаза. Проморгавшись, она с трудом села на койке, держась за раскальвавшуюся голову, и охрипшим голосом спросила:

— Синьсинь, который час?

— Скоро рассвет, — Лю Чжиян подошёл к кровати и протянул ей стакан тёплой воды.

Цзыхань подняла взгляд от его руки к лицу, и её глаза мгновенно наполнились слёзами. Дрожащими пальцами сжав стакан, она заикаясь выдохнула:

— Б-босс... а тот человек, что протаранил машину...

— Я с ним разберусь, — спокойно ответил Лю Чжиян.

Ван Синь тут же вмешалась:

— Цзыхань, это офицер Лю, наш полицейский из Китая! Он тебя спас, причём дважды!

Но вместо благодарности Цзыхань вдруг вцепилась в край куртки Чжияна и отчаянно запричитала:

— Офицер, пощадите его, умоляю! Он протаранил машину только ради меня! Это я во всём виновата, отпустите его!

Поворот оказался неожиданным. Чжиян нахмурился:

— Ты с ним знакома?

Цзыхань закивала как заведенная:

— Д-да! Его зовут Лэй, он выбивает долги для казино. Когда меня там избивали, он заступился, научил, как выжить... Не будь его, меня бы давно в живых не было! Его заставляют, он на самом деле хороший!

— Этот «хороший человек» только что дважды въехал в нашу машину, — сухо напомнил Чжиян.

— Товарищ полицейский, у него просто с головой беда! У него провалы в памяти! Он забывает, почему именно что-то делает, помнит только конечную цель! Он врзался в вас не чтобы навредить, а чтобы вытащить меня! Подумал, что вы бандиты, и кинулся на выручку!

Лю Чжиян искренне удивился: выходит, Бешеный Пёс не соврал ни словом.

Ван Синь опешила:

— Цзыхань, ты соображаешь? Вымогатель — мразь, таранить людей — преступление! Нельзя считать человека святым только потому, что он к тебе хорошо относился!

— Синьсинь, да неужели ты до сих пор ничего не поняла?! — всхлипнула Цзыхань. — Здесь нет ни плохих, ни хороших! В Муяме любой святой — грешник, а любой мерзавец — чья-то отдушина! Вот что такое Муяма!

Ван Синь онемела, молча уставившись на подругу.

Сменив тему, Лю Чжиян спросил:

— Ты упомянула провалы в памяти у Лэя. Что с ним конкретно?

— Я... да я сама толком не знаю, как этот диагноз называется, — сбавила тон Цзыхань. — Просто сужу по фактам. Он может забыть, с какого перепугу рванул меня спасать, но всё равно придёт и вытащит.

Чжиян всё понял. Наказав девушкам соблюдать осторожность, он попрощался и вышел.

На лестничной площадке Чжиян достал сигарету «Cigaronne», щелкнул зажигалкой и затянулся, разглядывая луну, скрытую плотной пеленой туч.

Лэй. Амнезия.

Выпустив сизый дымок, он хмыкнул. А ведь это становилось интересным.

Тучи, сгустившиеся за ночь, к полудню пролились затяжным, унылым дождём. Дорога от Восточного района Муямы до рудника «Хунпинь» занимала около двух часов — расстояние небольшое, однако путь пролегал через горные гряды по сплошному бездорожью.

К счастью, Гань Чуань заблаговременно утряс вопросы с губернатором Даэром, под чьим контролем находилась трасса, так что через блокпосты они проскочили без задержек.

За рулём сидел Лэй. После вчерашней трёпки он заметно притих, вёл машину собранно и плавно.

Когда въехали в горный массив, ливень прибавил силы, размеренно барабанил по крыше.

Чжиян, подремавший перед рассветом всего пару часов, почувствовал, как тяжелеют веки, подпер голову рукой и провалился в чуткую дрему.

Сколько прошло времени, он не понял — машина резко клюнула носом, заставив его очнуться.

— Оползень, — буркнул Лэй.

Лю Чжиян взглянул сквозь лобовое стекло: узкое дорожное полотно перегораживала внушительная гряда сошедшей с кручи грязи и камней. Путь был отрезан.

Он набрал номер Тай Цзиня. Секретарь Тай, изнывая от подобострастия, заверещал в трубку, что как только дождь стихнет, он немедленно отправит людей с лопатами. Делать нечего — оставалось дожидаться.

Чжиян уже собрался снова закрыть глаза, когда с переднего сиденья донёсся голос Лэя:

— Директор Лю, всё равно торчим тут. Может, расскажешь, с какого перепугу ты шестеришь на Гань Чуаня?

Лю Чжиян разомкнул веки и вёлся взглядом в затылок водителя. Лэй лениво держал руль одной рукой, выбивая пальцами неровный дробный ритм.

— Что, секрет фирмы?

Секрета тут не было. Просто за шесть или семь лет никто ни разу не задавал ему подобного вопроса. И Лю Чжиян впервые позволил себе мысленно вернуться на семь лет назад — к той самой ночи, когда судьба столкнула его с Гань Чуанем.

Чжиян не был первым внедрённым оперативником в Муяме. До него здесь работал полицейский по имени Мила.

Тот прожил в Муяме три года и, по словам руководства, успел до мозга костей пропитаться местными порядками. Задача Чжияна была проста: учиться у старшего товарища и прикрывать ему спину.

Оказавшись на месте, они быстро сработались. Вместе вытащили не один десяток обманутых соотечественников из кабалы, а в свободные вечера делили скупую стряпню и выпивку, став

близкими друзьями.

Так продолжалось до тех пор, пока очередная операция не провалилась с треском. Лишь тогда Лю Чжиян с ужасом осознал: его «наставник» давно сидит на игле. Мила растоптал присягу и наплевал на ожидания родины. Он добровольно опустился на самое дно Муямы и, пробивая себе дорогу наверх, без зазрения совести шагал по трупам сограждан.

Первым человеком, на которого Лю Чжиян за время службы застегнул наручники, стал именно Мила.

Его оформили на депортацию, но предатель пустил в Муяме слишком глубокие корни. При содействии местных бандитов он бежал прямо из-под конвоя.

Окончательно свихнувшийся от дряни Мила тайком пробрался назад в Китай. Захватив ствол, одним багровым закатным вечером он ворвался в обычную квартиру и в упор застрелил женщину, готовившую на кухне ужин.

Его скрутили на месте. Оперативники потом рассказывали: обдолбанный до галлюцинаций Мила, измазанный чужой кровью, дико хохотал и никак не мог остановиться.

Лишь неделю спустя Чжиян получил известие о том, что Милу приговорили к высшей мере. А вместе с ним — ещё одну бумагу. Похоронку на собственную мать.

В тот момент он проводил спецоперацию на Меконге, спасая китайских моряков. Когда Лю Чжиян наконец сумел вернуться домой, его встречала лишь фарфоровая урна с пеплом.

Стоя под проливным дождём в траурном костюме и с зонтом в руках, он дрожал мелкой дрожью, но не мог выжать ни слезинки. Даже мстить было не кому — Милу уже расстреляли.

Тогда он дал себе клятву: отныне, чей бы гроб ни опускали в землю, он больше не прольёт ни единой слезы.

Заняв место сгинувшего Милы, Чжиян вернулся в Муяму.

Здесь стоял невыносимый, душный зной. Даже ветер обжигал сухим жаром — ни укрыться, ни сбежать, совсем как от бешенства, выжигавшего его изнутри.

Днями напролёт он ломал голову: как погасить этот пламень, как свести счёты с миром? И в конце концов нашёл «идеальный» выход.

Натянув поношенный костюм, когда-то ушитый руками матери, Чжиян отправился на окраину Восточного района.

Он долго стоял на пустынном перекрёстке, пока вдали не замаячили слепящие фары тяжёлой фуры. Плотно запахнув полы пиджака, он шагнул прямо на проезжую часть.

Многотонная машина неслась прямо на него, выхватывая из тьмы его исхудавшее, безучастное лицо.

Чжиян уже успел подумать, что вот он — ад.

Но слепящий свет вдруг погас, а из темноты донеслись визгливые проклятия. Открыв глаза, Чжиян понял, что всё ещё лежит на асфальте.

—... Ослеп, сука?! Чуть в штаны не наложил, чтоб тебя! Найти же надо такого психа посреди ночи! — орал водитель. Голос то приближался, то затихал, отдаваясь гулом в голове.

— Ах ты мразь! — вдруг вмешался второй голос, глуша вопли шофёра куда более изысканным матом. — Чуть человека на тот свет не отправил, а ещё пасть открываешь?! Такого лба не заметить! Ты за рулём дрыхнешь, гнида?!

Дальнобойщик был тёртым типом, но, оценив напор неизвестного матершинника, решил не связываться — дал по газам и был таков.

— Куда рванул, тварь?! Я с тебя ещё на больничку не сдёрнул! Только попадись мне ещё раз, козёл безродный, на куски порву!

Фура скрылась за поворотом, а ругань не стихала. Незнакомец, всё ещё сотрясая воздух бранью, направился к Чжияну.

В «Сне в красном тереме» про Ван Сифэн говорили: «Ещё не появилась, а голос уже слышен». В тот вечер Чжиян прочувствовал это на собственной шкуре.

Уши закладывало от этой оранды так, будто по ним прошлись молотом.

С трудом поднявшись, Чжиян потёр зазвеневшее ухо и уставился на своего «спасителя».

Первые встречи редко бывают поэтичными. Спустя годы Лю Чжиян осознал, что стёр из памяти тогдашний облик Гань Чуаня. Запомнился лишь пронзительный, невероятно живой блеск его карих глаз.

Гань Чуань усмехнулся:

— Братуха, что б у тебя ни стряслось, баловаться со смертью — последняя тема.

С этими словами он бесцеремонно сгрёб Чжияна за плечо:

— Погнали ко мне. Есть тема на стройке: пару тысяч в месяц чистыми гарантирую. Пошли, бросай эти суицидальные глупости.

Чжиян подумал, что тот просто чешет языком, но момент для сведения счетов с жизнью был безнадёжно испорчен. Он собрался развернуться и уйти, как вдруг боковым зрением заметил: у Гань Чуаня расстёгнута ширинка.

Гань Чуань проследил за его взглядом и ничуть не смутился:

— А, чёрт! На холме ссать ходил, засёк тебя и рванул вниз.

Он неторопливо застегнул молнию.

Чжиян и подумать не мог, что у этого балабола действительно окажется мелкий строительный объект, где тот числился председателем.

Чжиян устроился к нему прорабом. Чёрствый, педантичный и жёсткий, он вкалывал без прордыху, наводя на стройке железный порядок.

В утро, когда завершился первый этап работ и на счёт упал аванс, Лю Чжиян стоял на крыше недостроенного здания и курил.

Глядя на свалившиеся на карту несколько тысяч юаней, он по привычке хотел перевести их домой... и лишь открыв приложение, вспомнил: дома у него больше нет.

Чжияна снова накрыла ледяная бездна.

Из Центра давным-давно не поступало никаких шифровок. В душу закралась жуткая мысль: а не забыли ли про него?

Если он больше не нужен ни родине, ни своему народу — ради чего продолжать коптить небо?

Эта мысль затягивала его на дно, перекрывая кислород.

Поддавшись тёмному порыву, он взобрался на ограждение крыши и уставился на серый бетон далеко внизу. Окурок, выскользнувший из пальцев, полетел вниз, высекая искры о балконы и карнизы, пока не затерялся где-то у основания стройки.

— Мать твою!! — рывкнули сзади.

Чжиян обернулся: к нему во весь опор мчался Гань Чуань.

Чжиян хотел было что-то ответить, но нога соскользнула с влажного парапета. Земля ушла из-под ног, наступила невесомость.

В голове оглушительно загудело: «Неужели вот так всё и закончится?»

Нет. В последнюю долю секунды его запястье мёртвой хваткой сжали сильные пальцы.

Гань Чуань едва не вывалился за край сам. С его багрового от напряжения лица капал пот, жилы на шее вздулись. Вытягивая Чжияна из пропасти, он сквозь зубы прорычал:

— Ёбанный ты в рот...

Чжиян вдруг невольно усмехнулся.

Выкарабкавшись на бетонное перекрытие, они оба валились от усталости, тяжело дыша и опираясь на парапет.

Чжияну хотелось провалиться сквозь землю. Он боялся встретиться с Гань Чуанем взглядом, до смерти опасаясь услышать расспросы о причинах своего поступка.

— Чжиян... — тяжело отдуваясь, позвал Гань Чуань. — Огня не найдёшь?

Чжиян обомлел. Достав из кармана зажигалку, он прикрыл огонёк ладонью и дал прикурить стоящему рядом парню.

Лишь теперь он заметил, что руки Гань Чуаня сплошь содраны до мяса — в окровавленные ссадины въелась строительная грязь.

Взгляд Чжияна переполз с его израненных предплечий на лицо.

Перехватив его взор, Гань Чуань мельком глянул на свои локти и беспечно хохотнул:

— Да ерунда, заживёт до свадьбы! Подумаешь, царапины.

Ветер трепал полы маминого пиджака и ерошил волосы Чжияна. Вместе с утренним бризом из-за горизонта медленно выкатывалось солнце.

Они одновременно повернулись к востоку: оранжево-алые лучи затапливали низенькие

кварталы Восточного района, окрашивая их фигуры в тёплые золотистые тона.

Гань Чуань прищурился на восходящее светило, выпустил клубы дыма и тихо произнёс:

— Держись, братуха. Пока дышим — надежда есть.

Глаза Чжияна защищало. Он списал эту слабость на слишком яркое солнце.

Докурив, Гань Чуань прижмякнул бычок подошвой шлёпанца и направился к выходу.

У самой двери на лестницу он замер, обернулся и бросил через плечо:

— Хватит ночевать в прорабской, а то народец подумает, будто я над тобой измываюсь. Собирай пожитки, перебирайся ко мне.

<http://bllate.org/book/20071/1990827>